

ктеризуется последовательностью и устойчивостью, что резко ее отличает от рассмотренных выше процессов смешения.

Влиянию акающих говоров приписывают развитие неполного оканья, в котором *о* сохраняется в первом предударном (*домá, столы́*), а в других безударных слогах появляются редуцированные звуки (*гловá, горът*), так что они отличны и от говоров с полным оканьем (*домá, столы́, головá, горот*) и от акающих говоров (*дамá, сталь, глává, горът*).¹

Повидимому, выработкой таких же „контаминированных“ явлений в результате своеобразного совмещения черт разных простых типов яканья является образование ряда сложных типов яканья (умеренно-диссимилятивное, диссимилятивно-умеренное, ассимилятивно-диссимилятивное), хотя вопрос не вполне ясен.²

Явления подобного рода показывают тенденцию к образованию фонетической системы, преодолевающую беспорядочность, наблюдающуюся на стадии смешения. Эти явления характеризуют переходные говоры в отличие от смешанных.³ Они увеличивают в диалектах количество фонетических систем и в то же время служат известным мостом между наиболее контрастными системами. С точки зрения общения между говорами они, не обеспечивая полного единства, в то же время помогают сближению разнородных говоров; в дальнейшем они и могут ассимилировать себе те разные типы говоров, особенности которых они совмещают. Недаром переходные говоры легли в основу общерусского койне, которое стало мощным фактором объединения диалектов.

IV. В фонетическую систему говора в полной мере переносится фонетическое явление другого говора.

Примером полного усвоения ранее отсутствующего звука (фонемы) служит четкое разграничение *ц* и *ч* в говорах, ранее имевших цоканье.

Точно также ряд южно-русских говоров, не имевших раньше *ф*, усвоил эту новую для них фонему.

Наоборот, можно считать вероятным, что ряд говоров потерял особое, по сравнению с *е*, закрытое *ѐ*, употребляемое с ним в одинаковых фонетических условиях.

Во всех подобных случаях заимствующий говор в отношении данных явлений целиком сравнялся с говором, из которого исходит воздействие. Отсюда трудность установления того, что такое явление в говоре развилось под воздействием другого и вытеснило соответствующее ему иное явление. Обычно вопрос о такой перестройке решается на основе учета отношения говора в целом к другим типам говоров.

Известным подкреплением того, что такая смена имела место, служит наличие отдельных пережитков прежнего состояния. Сюда относятся: 1) наличие отдельных слов в прежнем фонетическом виде вследствие того, что в воздействовавшем говоре не было образца, который помог бы изменить произношение слова на новое. Так в говорах, потерявших цоканье, сохраняется форма *ушóтцы*, для которой нет соответствия в литературном языке; 2) наличие таких явлений, которые могли сложиться в зависимости от предполагаемого раннего состояния. Так в говорах, теперь не различающих *е* открытого и *ѐ* закрытого, имеется тип яканья, дающий разные рефлексy при этих звуках под ударением (*пл'ит'ѐн', б'ал'ѐт'*).

При заимствованиях такого рода одна фонетическая система (или ее часть) говора вытесняется другой.

¹ Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. 1915, стр. 27.

² Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, в. 2, стр. 86—87.

³ Опыт диалектологической карты..., стр. 1, § 2 (характеристика переходных говоров).